

A man and a woman in pirate costumes are standing on the deck of a ship. The man is wearing a black pirate hat, a white shirt, a blue vest, and a red sash. The woman is wearing a white blouse and a blue corset. They are both smiling and looking at each other. The background shows the ship's rigging and the ocean under a blue sky with clouds.

Владимир Кожедеев

**Операция
«Фарфоровый Носорог»**

Забытая графиня и капитан Шторм. Роман приключения

Владимир Кожедеев

Операция «Фарфоровый носорог»

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Операция «Фарфоровый носорог» / В. Кожедеев — «Автор»,
2026 — (Забытая графиня и капитан Шторм. Роман приключения)

Это любовь, рождённая в ненависти к общему врагу. Он — разыскиваемый преступник с командой таких же изгоев. Она — графиня, которую мир считает сумасшедшей. Вместе они создают хитроумный план мести и возмездия. Их убежище — тайный остров «Скала Души», где находят приют все, кого сломала эта система: сбежавшие аристократки, бывшие рабы, осиротевшие дети, учёные-изгои и даже — годы спустя — сам лорд Аластер Девлин, коллекционер душ. Это история о том, как из обломков старых жизней можно построить новый дом. О том, как враги становятся семьёй, а семья — единственной настоящей крепостью. О том, что даже в самом страшном аду можно найти свет, если рядом есть тот, кто держит тебя за руку. О том, что прощение — это не подарок другим, а дар себе. И о том, что иногда, чтобы восстановить честь, нужно стать вне закона. «Скала Души» — роман о мести, ставшей справедливостью, о любви, рождённой в ненависти, и о том, как сломанные куклы учатся летать. Добро пожаловать на остров. Здесь ждут.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление.	5
Глава 1.	7
Глава 2.	12
Глава 3.	21
Глава 4.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Кожедеев

Операция «Фарфоровый носорог»

Вступление.

Лондон, 1889 год. Империя готовится отметить пятидесятилетие королевы Виктории, газеты пестрят отчётами о колониальных победах, а в портах Темзы разгружают трофеи из новых африканских владений. Британия никогда не была так велика. Британия никогда не была так слепа.

Где-то в Швейцарии, в частном пансионате для престарелых джентльменов, умирает человек, чьё имя три года назад было у всех на устах. Лорд Эдгар Винтерхолд покидает этот мир так же тихо, как жил последние годы – в инвалидном кресле, с видом на заснеженные Альпы и фотографией женщины, которую когда-то предал.

Его смерть остаётся незамеченной. Некролога нет. Наследников нет. Только короткая запись в больничном регистре: «Пациент № 47, причина смерти – остановка сердца».

Но правда, как известно, никогда не умирает.

Через три дня почтовый голубь приносит на остров Скала Души конверт без обратного адреса. Внутри – фотография и письмо, написанное дрожащей рукой за неделю до смерти.

«Я не заслуживаю вашей памяти. Но я хочу, чтобы вы знали: я смотрел на это море каждый день. И каждый день думал о том, какой могла бы быть наша жизнь, если бы я выбрал другой путь».

Амалия Сент-Клер читает эти строки на балконе маяка, где когда-то клялась, что никогда не простит его. За её спиной цветут розы, названные в честь женщины, которая научила бывшего коллекционера душ быть человеком. Где-то внизу Волк спорит с Аластером о стратегической обрезке кустов, Белль варит инжирное варенье, а маленькая Роза гоняется за светлячками в оранжеее.

Война закончилась. Враг мёртв. Жизнь продолжается.

Но, как однажды заметил лорд Аластер Девлин, шахматная партия никогда не заканчивается – только прерывается до следующего хода.

И новый ход уже сделан.

В порту Саутгемптона сходит на берег женщина в строгом чёрном платье. Её лицо скрыто вуалью, паспорт выписан на чужое имя, а в маленьком саквояже лежат документы, способные потрясти Британскую империю до основания.

Она ищет остров, которого нет на картах.

Она ищет людей, которые однажды уже разрушили старый мир.

Она ищет правду о своём отце – человеке, чьё имя тридцать лет назад было вырезано из всех официальных хроник, чьи открытия присвоили другие, а смерть объявили несчастным случаем.

Её зовут Кэтрин Уинтер.

И она не успокоится, пока не найдёт капитана «Шторма».

Двадцать лет мира – достаточный срок, чтобы забыть о войне.

Двадцать лет – чтобы повзрослеть, состариться, вырастить детей и похоронить врагов.

Двадцать лет – чтобы новые поколения начали задавать вопросы, на которые старые поколения боялись отвечать.

Но море помнит всё.

И маяк на Скале Души всё ещё горит каждую ночь.

Глава 1.

Где-то в Ла-Манше, «Морская Фурия», полдень.

Капитан Себастьян «Шторм» Кейн стоял у штурвала и чувствовал, как его идеальная репутация грозного пирата даёт трещину. Прямо сейчас, в его каюте, сидели:

– Амалия, которая держала в руках перламутровую шкатулку с таким выражением лица, будто в ней была бомба замедленного действия.

– Белль, пытающаяся отмыть что-то липкое и розовое с рукояти своего верного поварского ножа.

– И Волк, который... Волк хихикал. Старый морской волк, боцман, человек, чей голос мог заставить ржаветь якоря, – хихикал, утирая слёзы.

– Капитан, – торжественно произнесла Амалия. – У нас проблема. Мы случайно украли не то судно.

– Мы никогда не крадём «не то», – машинально ответил Себастьян, всё ещё пытаясь переварить хихикающего Волка. – Мы всегда тщательно выбираем цели.

– Да, – кивнула Амалия. – Мы тщательно выбрали корабль лорда Честерфилда, члена «Золотой Гири». Мы героически взяли его на abordаж. Мы конфисковали его груз в соответствии с нашим благородным кодексом.

Пауза.

– И среди конфискованного груза, – продолжила Амалия голосом заправского аукциониста, – оказались: двенадцать ящиков первосортного китайского шёлка, четыре сундука столового серебра... и партия эксклюзивных, заказных дебютантских платьев для ежегодного Бала Юных Роз, который состоится через три дня в Лондоне.

Тишина. Только чайки орут за бортом, словно смеются.

– Платьев, – повторил Себастьян.

– Сорок три штуки, – подтвердила Амалия. – Каждое – ручная работа, с вышивкой жемчугом, именной биркой и крошечным зонтиком в тон. И вот это, – она приподняла крышку шкатулки, – парадный убор главной дебютантки сезона, леди Виктории Хэмптон-Смит. Тиара. Бальное платье. Веер. Туфельки.

Она извлекла из шкатулки крошечную атласную туфельку и поставила её на стол.

– Это стоит больше, чем половина нашего флота, – прошептала Белль. – И оно пахнет ванилью и отчаянием богатых невест.

– И всё это, – попытожила Амалия, – сейчас лежит в трюме «Морской Фурии», потому что наш доблестный abordажный отряд принял элегантные манекены за вражеских солдат и «обезвредил» их, приняв стойки «внимание».

– Я думал, это новая модель пушек! – донёсся с верхней палубы голос Джека. – Они блестящие!

– Они блестящие, потому что были отделаны стразами Сваровски, Джек! – крикнула Амалия.

В каюту заглянул «Слепой» Пит. Он понюхал воздух.

– Пахнет деньгами, – сказал он. – И ландышами. Кто-то пролил очень дорогие духи. Надеюсь, не на монеты.

– Хуже, Пит, – вздохнула Белль. – На тиару.

Пит присвистнул.

Совет на «Скале Души», два часа спустя.

– Есть только один выход, – заявила Айеша, поднимая указательный палец. – Мы должны вернуть это. Легально. Тайно. И без связи с нами.

– Предлагаешь зайти в лондонский порт, пришвартоваться у «Сэвил Роу» и крикнуть: «Простите, мы тут тиару случайно взяли, не подскажете, где примерочная?» – съязвил Себастьян.

– Нет. Я предлагаю внедрить агента.

Все уставились на неё.

– Что? – Айеша пожала плечами. – Я идеально подхожу. Я знаю этикет. Я говорю без акцента. Я умею делать такое лицо, что люди сами отдают мне свои кошельки. Я войду как леди Виктория, верну тиару, скажу, что произошла ужасная путаница с доставкой, и исчезну в толпе.

– Ты забываешь одну маленькую деталь, – мягко сказала Амалия. – Леди Виктория Хэмптон-Смит – блондинка. С голубыми глазами. И она уже три года появляется в светской хронике. Её знает в лицо пол-Лондона.

– А, – сказала Айеша. – Да. Это проблема.

– А если... – подал голос «Воробей», который до этого момента тихо сидел в углу и чистил подобранную где-то бронзовую пряжку, – если туда пойдёт настоящая леди?

Все посмотрели на Амалию.

– Нет, – сказал Себастьян.

– Я не закончил, – обиделся «Воробей». – Настоящая леди, но не она. Другая. Которая тоже графиня, но мёртвая и никто не знает, как она выглядит.

– Воробей, ты гений, – прошептала Белль.

– Я постоянно ему это говорю, – кивнул старина Хемлок, его дед. – Но он не слушает.

Амалия медленно перевела взгляд с «Воробья» на Айешу, на тиару и обратно.

– Вы предлагаете мне, – сказала она, – женщину, чьё имя официально значится в реестре умерших, чей жених пытался меня убить, а муж – легендарный пират, – вы предлагаете мне выйти в лондонский свет под видом богатой наследницы, чтобы вернуть украденное бальное платье?

– В краже которого тебя никто не может обвинить, потому что ты официально мертва, – добавила Айеша. – Идеальное алиби.

– Это безумие, – сказал Себастьян.

– Это гениально, – возразила Амалия. И в её глазах загорелся тот самый опасный огонёк, который обычно предшествовал либо блестящей победе, либо грандиозной катастрофе.

Лондон, особняк Хэмптон-Смитов, день бала.

Элоиза колдовала над платьем уже три часа.

– Я не портниха, – ворчала она, подкалывая жемчужную нить. – Я художник! Мои вышивки украшают адмиральские мундиры и штандарты свободных морей! А я тут подгоняю лиф по фигуре женщины, которая должна притворяться женщиной, которая существует.

– Ты справишься, – утешала её Белль, протягивая иголку. – Дыши глубже. Думай о том, что это диверсия.

– Это безумная диверсия, – фыркнула Элоиза. – Мы пираты! Мы должны поджигать корабли, а не подшивать подолы!

– Эволюция, – философски заметил Волк, проверяя акустику вентиляционной шахты. – Раньше мы грабили лордов. Теперь мы возвращаем им тиары. Это называется «амбивалентный прогресс».

Себастьян стоял у окна и мрачно наблюдал за подъезжающими каретами.

– Я ненавижу это, – сказал он. – Я должен быть рядом с ней.

– Ты будешь рядом, – успокоила его Айеша. – Ты будешь швейцаром.

Себастьян медленно повернул голову.

– Прости?

– Ну, не буквально швейцаром. Ты будешь под видом лакея мистера Смита, эсквайра, нашего гипотетического дядюшки из колоний. Мы уже всё придумали. У тебя есть фальшивые документы, ливрея и усы.

– Усы, – эхом повторил Себастьян.

– Очаровательные, – заверила Айеша. – Я выбрала сама.

Бал. Амалия вошла в бальный зал под руку с фальшивым дядюшкой (роль которого блестяще исполнил Уильям «Молчальник», единственный, кто умел выглядеть скучающе-аристократично) и почувствовала, как у неё свело скулы от светской улыбки, которую она не практиковала пять лет.

Платье сидело идеально. Тиара сияла. Туфельки не жали. Она чувствовала себя фарфоровой куклой в витрине – и это ощущение было до омерзения знакомым.

– Выше нос, графиня, – прошелестел у неё за спиной голос лакея с усами. – Вы здесь, чтобы спасти сорок три дебютантки от позора. Вы герой.

– Я герой в тиаре, – прошептала она в ответ. – Моя мать была бы в ужасе. Это лучший момент моей жизни.

Операция «Фарфоровый Носорог» (название придумал Волк, и никто так и не понял, почему) развивалась по плану. Айеша, изображая камеристку, отвлекла настоящую леди Викторию разговором о преимуществах корсетов нового фасона. Белль, устроившаяся в буфетной, нейтрализовала подозрительного дворецкого, скормив ему эклер с безобидным, но мощным снотворным. Джек и «Воробей» через систему вентиляции проникли в гардеробную и меняли бирки на платьях, чтобы никто не заметил подмены.

– Это самое странное ограбление в моей жизни, – прошептал Джек, возясь с атласным рукавом. – Мы не забираем ценности. Мы их возвращаем.

– Это называется «реституция», – авторитетно заявил «Воробей». – Волк учил. Очень благородно.

– Я хочу обратно грабить работоторговцев, – вздохнул Джек. – Там всё честно: бах, бах, и ты герой.

– А здесь, – «Воробей» критически оглядел розовый бант, – здесь ты просто парень, который крадётсЯ по вентиляции с чужим нижним бельём. Романтика, блин.

Операция прошла успешно. Тиара вернулась к законной владелице (которая так и не узнала, что её безупречный дебют был спасён бандой пиратов). Платья висели в гардеробной в идеальном порядке. Сорок три дебютантки вышли в свет, сияя жемчугом и надеждами.

А на «Морской Фурии», отчалившей от тайного причала в Дувре, капитан Себастьян «Шторм» Кейн сидел в своей каюте и тупо смотрел на перламутровую шкатулку, которую Амалия по рассеянности сунула в саквояж.

Внутри лежала запасная тиара.

– Я не вернусь, – сказал он.

– Я и не прошу, – улыбнулась Амалия, забирая шкатулку. – Оставлю на память. Буду надевать, когда мне нужно почувствовать себя настоящей леди.

– Ты и есть настоящая леди, – буркнул Себастьян.

– Настоящие леди не воруют корабли, – парировала Амалия.

– Настоящие леди не надевают тиару, когда штопают паруса, – не сдавался он.

– Значит, я ненастоящая, – она подмигнула и водрузила тиару поверх рабочего пучка. – Иди сюда, капитан. У тебя усы криво приклеены.

– Это были не мои усы, – обиженно сказал Себастьян, наклоняясь. – Это Айеша выбрала. Они щекотали нос.

– Тебе шло, – Амалия поправила тиару и аккуратно отклеила усы. – Очень пиратский дворецкий образ.

– Я ненавижу эту операцию, – заявил Себастьян, но глаза его смеялись.

– Я тоже, – кивнула Амалия. – Это было восхитительно.

За окном каюты шумело море, в трюме тихо перезванивался конфискованный фарфор, а на палубе Волк рассказывал «Воробью» и Джеку историю о том, как однажды он украл парик у самого лорда-адмирала и тот целый месяц думал, что у него выпали волосы от стресса.

– И чем закончилось? – спросил «Воробей».

– Ничем, – пожал плечами Волк. – Через месяц он побрился налысо и сказал, что так модно. Я, можно сказать, изменил моду в адмиралтействе.

– А парик?

– Продал одному коллекционеру за двадцать фунтов. Купил на них бочонок рома для всей команды. До сих пор тот ром вспоминают.

«Воробей» задумчиво посмотрел на бронзовую пряжку, которую всё ещё чистил.

– Дед, – сказал он. – А тиара дорого стоит?

– Дорого, внучек. Очень дорого.

– И мы её вернули.

– Вернули.

Пауза.

– Дед.

– Что?

– Я, наверное, никогда не стану нормальным пиратом.

Волк положил тяжёлую ладонь на плечо мальчишке.

– Не станешь, – согласился он. – Ты станешь кем-то получше.

– Кем?

– Тем, кто может украсть тиару и вернуть её обратно, – Волк ухмыльнулся. – И при этом не с палиться. Это, внучек, высший пилотаж.

«Воробей» улыбнулся и спрятал пряжку в карман.

Где-то внизу, в каюте, Амалия, всё ещё в тиаре, раскладывала пасьянс и делала пометки в своём дневнике. Себастьян, притворяясь, что читает навигационные карты, на самом деле украдкой на неё поглядывал.

– Что ты пишешь? – спросил он наконец.

– Хронику, – ответила она. – Сегодняшнее событие.

– И как ты его озаглавила?

Она подняла глаза и улыбнулась той самой улыбкой, которую когда-то прятала за страницами дневника, боясь, что её увидят.

– «О том, как пираты спасли лондонский высший свет от тотального модного коллапса, или, почему тиара – это не только красиво, но и стратегически полезно».

– Длинное название, – заметил Себастьян.

– Это черновик, – отмахнулась Амалия. – Сокращу до «Операция Фарфоровый Носорог».

– Я всё ещё не понимаю, при чём здесь носорог.

– Волк сказал, что это звучит солидно.

Себастьян посмотрел в навигационную карту, на которой не было ни одной пометки, и тихо, почти неслышно, рассмеялся.

Три дня спустя. «Скала Души».

Айеша, вернувшаяся с отчётом, застала удивительную картину: в лагуне, на пирсе, Элоиза проводила мастер-класс по вышивке для спасённых женщин, Белль учила Ли-На варить

настоящее английское варенье (вместо китайских лекарственных отваров), а Волк с важным видом раздавал указания по укреплению береговой обороны, держа в руках... дамский веер с монограммой «В.Х.С.».

– Это трофей, – строго сказал он, перехватив её взгляд. – Стратегический. Буду обмахиваться в жару, чтобы думалось лучше.

– Вы случайно не прихватили ещё и зонтик от солнца? – осведомилась Айеша.

Волк оскорблённо замолчал и уставился в карту.

Где-то на скале, у маяка, стояли двое. Себастьян и Амалия смотрели на закат, и тиара на её голове тускло мерцала в последних лучах солнца.

– Ты так и будешь её носить? – спросил он.

– Пока не придумаю, куда её деть, – ответила она.

– Можешь оставить себе.

– Я так и сделаю.

Море шумело. Остров жил своей странной, нелепой, удивительной жизнью. Где-то в трюме «Фурии» тихо позвякивал фарфор, на камбузе Белль ругалась на пригоревшее варенье, а «Воробей» показывал Джеку, как правильно чистить бронзу, чтобы она блестела, как настоящий пиратский трофей.

И никто из них, даже самый дальновидный, не мог бы предсказать, что ждёт их впереди. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Глава 2.

Три часа спустя. «Скала Души». Полнолуние.

История с тиарой, казалось, была исчерпана. Амалия сняла её перед ужином, бережно завернула в кусок старого шёлка и убрала в сундук с дневниками. Себастьян вздохнул с облегчением. Волк перестал обмахиваться веером только после того, как Белль пригрозила добавить в его похлёбку «специальное снотворное для старых морских волков, которые забывают, что они не светские львицы».

Всё было спокойно. Даже слишком.

– Капитан, – раздался голос Джека с наблюдательной вышки. – Там... э-э-э... к нам гости.

Себастьян поднял подзорную трубу. На горизонте, со стороны открытого моря, к лагуне приближалась маленькая, явно не военная, ярко-розовая яхта.

– Это не военный корабль, – заметил Волк, прищурившись. – Это... Господи боже мой, это частная прогулочная посуда.

– На ней флаг, – сказал Джек. – Я не разбираю гербы, но там какая-то птица.

Амалия, услышавшая шум, поднялась на палубу. Взяла трубу. Посмотрела. Опустила трубу. Посмотрела ещё раз.

– Это лебедь, – сказала она очень странным голосом. – На розовом поле. Герб Хэмптон-Смитов.

Тишина.

– Они приплыли за тиарой? – пискнул «Воробей».

– Они не могут знать, что тиара у нас, – медленно произнёс Себастьян. – Мы вернули тиару. Операция прошла безупречно. Ты же говорила, что операция прошла безупречно?!

– Операция прошла безупречно, – подтвердила Амалия. – Я своими руками видела, как леди Виктория вышла в этой тиаре в бальный зал.

– Тогда ЧТО ОНИ ЗДЕСЬ ДЕЛАЮТ?!

Яхта пришвартовалась у внешнего пирса (тайный вход в лагуну всё-таки не был рассчитан на суда шириной с амбиции богатой наследницы). На берег сошли трое.

Первой была девушка лет восемнадцати, в дорожном костюме от «Ворта», с идеальным макияжем и выражением лица человека, который только что обнаружил, что его любимый скаковой пони умеет говорить.

Второй – тощая, высоченная дама в пенсне, с блокнотом наперевес и взглядом инквизитора.

Третьей – необъятных размеров гувернантка, которая, судя по бицепсам, могла задушить акулу голыми руками.

– Капитан Себастьян Кейн? – осведомилась дама в пенсне таким тоном, будто спрашивала: «Вы повесили этих собак сами или вам помочь?».

Себастьян, который планировал встретить их с пистолетом и грозным видом, почему-то ответил:

– Допустим.

– Прекрасно. Я – мисс Прингл, старшая компаньонка леди Виктории Хэмптон-Смит. А это, – она указала на девушку, – собственно, леди Виктория.

Леди Виктория сделала шаг вперёд, споткнулась о канат, издала звук «ой», поправила шляпку и выдала:

– Вы пираты! Настоящие! Я так и знала! Мама говорила – «Викки, не читай бульварные романы», а я читала, и вот, пожалуйста! Пираты! Со шпагами! А где ваш череп с костями? А попугай есть? А деревянная нога? Ой, простите, – это она уже Волку, который мрачно на неё смотрел, – я не хотела вас обидеть, просто у моего двоюродного дедушки была деревянная нога, и он говорил, что это очень удобно, особенно когда чешется левая пятка, а её нет, представляете?

Волк открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

– Мисс, – выдавил он. – Как вы, чёрт возьми, нас нашли?

– О, это просто! – Леди Виктория просияла. – У меня на балу пропало платье! Ну, не то, чтобы пропало – оно висело в гардеробной, но я точно помню, что мама заказала его с завышенной талией, а когда я его надела, талия оказалась нормальной! И жемчуг был пришит чуть-чуть иначе! И на подоле я нашла вот это!

Она торжествующе извлекла из ридикюля крошечный, засохший листик розмарина.

Белль побледнела.

– Я потеряла его, когда подшивала подол, – прошептала она. – Думала, никто не заметит.

– Моя бабушка разводит розмарин в оранжерее! – объявила леди Виктория. – Я знаю этот запах с детства! А таких сортов в Англии нет! Я наняла лучшего ботаника из Кью-Гарденс, и он сказал, что это африканский розмарин, который растёт только на Мадагаскаре и ещё на каких-то островах, которых нет на карте!

Она перевела дыхание и добавила:

– А ещё у вас на маяке краска облупилась. Совсем не ухаживаете за имуществом, а ещё пираты.

Кают-компания. Час спустя.

– Значит, – подытожила Айеша, массируя переносицу, – вы потратили три дня, наняли ботаника, вычислили географическое происхождение розмарина, отследили маршруты контрабандистов, нашли наш остров, приплыли сюда на собственной яхте, чтобы собственно, зачем?

Леди Виктория уставилась на неё круглыми глазами.

– Как зачем? Вы же пираты! Благородные пираты, которые грабят плохих лордов! Я хочу с вами!

– Что? – хором сказали все присутствующие.

– Ну, не насовсем, – замялась леди Виктория. – На сезон. Меня мама замуж выдаёт за лорда Тинсдейла. Ему сорок семь, у него подагра и он коллекционирует бабочек. Мёртвых, приколотых булавками. Я не хочу быть бабочкой! – она всхлипнула. – Я хочу приключений! Я умею играть на арфе и говорить по-французски, и я могу притворяться кем угодно, и у меня есть свои деньги, и я не буду вам мешать, честное слово!

– Мисс, – сказал Себастьян, стараясь говорить максимально терпеливо, – это не круизный лайнер. Мы воюем. Люди гибнут. Здесь нет арф и французского языка.

– Я могу научиться стрелять! – с энтузиазмом воскликнула леди Виктория. – Мисс Прингл, мы можем организовать стрелковый кружок?

Мисс Прингл, не поднимая головы от блокнота, сухо заметила:

– Леди Виктория, я обязана напомнить, что ваша матушка категорически возражает против любого огнестрельного оружия, кроме тех случаев, когда оно инкрустировано бриллиантами и находится под стеклом.

– А шпага?

– Шпага приемлема при условии наличия уроков фехтования у уважаемого инструктора.

– Вы и правда думаете, – вмешалась Амалия, – что мы позволим дочери герцога, наследнице одного из богатейших состояний Англии, остаться на пиратском острове?

Леди Виктория посмотрела на неё с неожиданной взрослой серьёзностью.

– А вы позволили себе, – тихо сказала она. – Я читала ваш дневник.

Амалия замерла.

– Тот, в кожаном переплёте, который вы спрятали за Вольтером. Я нашла его в старом поместье вашей семьи, когда мама водила меня смотреть картины. Он лежал в тайнике за камином. Ваша мать, леди Маргарет, не знала о нём. А я... я прочитала его за один вечер. И поняла, что не хочу заканчивать как вы. Не хочу умирать при жизни.

Амалия молчала очень долго. Потом сказала:

– Я не умерла.

– Я знаю, – кивнула леди Виктория. – Вы самая живая из всех, кого я встречала. Поэтому я здесь.

Скала Наблюдателя. Полночь.

Себастьян нашёл Амалию сидящей на краю обрыва и смотрящей на луну.

– Ты не можешь всерьёз рассматривать её предложение, – сказал он, садясь рядом.

– Я рассматриваю не её предложение, – ответила Амалия. – Я рассматриваю лицо девушки, которая готова сбежать из золочёной клетки, даже не зная, что ждёт её снаружи. Знаешь, у кого было такое же лицо?

– У тебя.

– У меня. Семнадцать лет назад. Только у меня не было яхты и ботаника из Кью-Гарденс. У меня была только няня, которая умела молчать, и надежда, что однажды откроется дверь.

Себастьян вздохнул.

– Ты хочешь оставить её здесь.

– Я хочу дать ей выбор. Остаться на сезон, как она просит. Увидеть, что такое настоящая свобода и настоящая ответственность. А потом решить.

– А если она выберет остаться навсегда?

– Тогда у нас будет очень богатая и очень восторженная дебютантка с собственным флотом. – Амалия позволила себе слабую улыбку. – Представь: розовая яхта с черепом и костями на парусах.

– Я отказываюсь это представлять.

– Слабак.

Где-то внизу, у пирса, леди Виктория Хэмптон-Смит, наследница одного из богатейших состояний Англии, впервые в жизни собственноручно завязывала морской узел под руководством «Воробья», который относился к этой задаче с максимальной серьёзностью.

– Не так, – говорил он. – Петля должна быть свободной, но надёжной. Если затянешь слишком сильно, узел не развяжется, когда надо будет быстро сматываться.

– А зачем быстро сматываться? – заинтересованно спросила леди Виктория.

– Ну, например, если береговая охрана, – объяснил «Воробей». – Или если капитан злой. Или если Белль узнает, что ты тайком стащил её фирменный пудинг.

– А Белль – это та, которая кок? А она правда умеет готовить рагу из морских ежей?

– Умеет. Но тебе лучше не пробовать. Это для особо злостных нарушителей дисциплины.

Леди Виктория благоговейно завязала узел.

На следующий день. Утренний совет.

– Итак, – сказал Волк, разворачивая карту. – У нас на острове внеплановая гостья, которая, судя по всему, не собирается уезжать, пока не наиграется в благородного пирата. Вопрос: что делать?

– Я могу её удочерить, – предложил старина Хемлок. – У меня опыт с внуками. Она не хуже Воробья, только говорит громче.

– Она не нуждается в удочерении, она нуждается в детоксе от светского воспитания, – фыркнула Элоиза. – Вы видели её корсет? Я такие только на картинках видела. Она в нём дышит через раз.

– Она сказала, что умеет стрелять, – мечтательно заметил Джек. – Может, правда умеет?

– Она сказала, что у её тёти был пистолет, из которого она один раз выстрелила в воздух на пикнике, – отрезала Айеша. – Это не считается.

– А, по-моему, она милая, – неожиданно сказала Ли-На. Все уставились на неё. Ли-На редко высказывалась на советах. – Она спросила меня, какие травы лечат тоску. Я сказала – женьшень и мята. Она записала в блокнот. Никто из знатных раньше не записывал.

– Ладно, – подвёл итог Себастьян. – Пусть остаётся. Сезон. Посмотрим, что из этого выйдет. Но если она начнёт учить команду французскому и этикету, я лично отвезу её обратно к маме.

– Поздно, – раздался голос от двери. Там стояла Белль с совершенно убитым выражением лица. – Она уже нашла мой камбуз.

– И?

– И научила Джека правильно раскладывать столовые приборы. Вилку слева, нож справа. Он теперь сервирует обеденный стол, как в «Ритце».

Себастьян закрыл лицо руками.

Где-то на палубе раздался звонкий голос леди Виктории:

– А знаете, у пиратов Карибского моря в семнадцатом веке был совершенно особый кодекс чести! Я могу прочесть вам лекцию, если хотите!

– НЕ ХОТИМ! – заорала вся команда хором.

Эпилог. Три недели спустя.

Леди Виктория не сбежала. Более того, она оказалась на удивление полезной.

– У неё феноменальная память, – с уважением говорил Уильям «Молчальник», разбирая очередную партию конфискованных документов. – Она запоминает имена, даты и гербы с одного взгляда. За три дня она систематизировала архив за прошлый год.

– Она умеет торговаться, – добавляла Айеша. – Вчера она купила у портового контрабандиста партию медикаментов за полцены, потому что сделала ему глазки и сказала, что её тётушка была бы очень признательна. Контрабандист растаял и дал скидку за «семейные ценности».

– Она спасла мой сад, – призналась Ли-На. – Придумала систему полива из старых бочек и бамбуковых палок. Говорит, видела такое в оранжерее у бабушки.

– Она играет на арфе, – мечтательно вздохнул старина Хемлок. – По вечерам. Очень успокаивает.

– Она до сих пор не умеет стрелять, – буркнул Джек. – Но я её учу. Прогресс есть.

– Она три недели не упоминала лорда Тинсдейла и его бабочек, – заметила Амалия, просматривая свежий номер «Таймс», доставленный с очередным рейсом. – И вот, смотрите.

Она развернула газету.

«ЛОРД ТИНСДЕЙЛ ОБЪЯВЛЯЕТ О ПОМОЛВКЕ С ГРАФИНЕЙ ЧЕСТЕРФИЛД. СВАДЬБА НАЗНАЧЕНА НА ИЮНЬ».

– Она свободна, – тихо сказала Амалия. – Он не стал её ждать.

– Или она не стала ждать его, – пожал плечами Себастьян. – Какая разница.

– Разница есть. Она сделала выбор.

На палубе леди Виктория, всё ещё в дорожном костюме от «Ворта» (успешно защищённом от солёных брызг чехлом из парусины), учила «Воробья» танцевать вальс.

– Раз-два-три, раз-два-три, не наступай мне на ноги!

– Я не наступаю, это вы сами подставляете!

– Это потому, что ты смотришь вниз! Смотреть нужно в глаза партнёру!

– А если я в глаза смотреть буду, я точно упаду!

– Не упадёшь, я держу!

Себастьян смотрел на эту сцену и думал о том, что его жизнь, которая когда-то была простой и понятной – месть, море, одиночество, – теперь превратилась в нечто совершенно невозможное. У него была жена, которая носила тиару во время шторма. У него была команда, которая обсуждала фасоны корсетов на военных советах. У него был старый боцман, который обмахивался дамским веером и делал вид, что это стратегический инструмент.

И теперь у него была дебютантка, которая учила его юнгу вальсу, потому что «каждый пират должен уметь танцевать, вдруг придётся внедряться на вражеский бал».

– О чём задумался, капитан? – Амалия встала рядом, опираясь на поручень.

– О том, что моя мать хотела, чтобы я стал священником, – честно признался Себастьян.

Амалия моргнула. Потом рассмеялась – тем редким, искренним смехом, который она позволила себе только после побега из Лондона.

– И ты выбрал пиратство вместо церкви?

– Я выбрал море вместо лжи, – он пожал плечами. – А теперь у меня тут светский салон на плаву.

– Не салон, – поправила Амалия. – Убежище. Для тех, кто сбежал из клеток. Просто клетки бывают разные: золотые, фарфоровые, титулованные. Мы собираем здесь всех, кто разбил свои стены.

Себастьян посмотрел на леди Викторию, которая теперь учила «Воробья» правильно кланяться.

– Думаешь, она разбила?

– Думаю, она только начала, – ответила Амалия. – Но первый шаг – он самый важный.

Где-то внизу, в камбузе, Белль месила тесто для завтрашнего хлеба и ворчала на Элоизу, которая перекраивала одно из конфискованных платьев для новой ученицы.

– Ей нужна практичная одежда, а не этот шёлк! Она порвёт его на первой же тренировке с Джеком!

– Это не шёлк, это фэй! И я добавлю кожаные вставки на локтях и коленях! Будет и практично, и элегантно!

– Ты не портниха, ты маньяк!

– Я художник, и я слышу оскорбления!

Волк, сидящий в углу с веером и картой, философски заметил:

– Раньше мы спорили о тактике abordaja и калибре пушек. Теперь мы спорим о кожаных вставках на локтях. Это называется прогресс, Белль. Смирись.

– Я не смирюсь! Я кок, а не модельер!

– Ты кок, который спас сорок три дебютантки от модной катастрофы, – напомнил Волк.
– Дай себе кредит.

Белль запустила в него пригоршней муки. Волк, не глядя, отразил атаку веером.

– Стратегический, говоришь? – хмыкнула Белль.

– Абсолютно, – кивнул Волк, отряхивая мундир.

Ночь. Маяк.

Леди Виктория сидела на верхней площадке маяка, обхватив колени, и смотрела на звёзды.

– Не спится? – Амалия поднялась по винтовой лестнице бесшумно, как тень.

– Я думаю, – ответила девушка. – Мама, наверное, с ума сходит. Объявила меня в розыск. Наняла детективов. Пишет гневные письма в газеты.

– Хочешь вернуться?

– Нет. – Леди Виктория покачала головой. – Просто... странно. Всю жизнь меня учили, что самое главное – это репутация, положение, удачный брак. А здесь никто не спрашивает, кто твой отец и сколько у тебя земель. Здесь спрашивают, умеешь ли ты вязать узлы и не боишься ли высоты.

– И как? – улыбнулась Амалия. – Не боишься?

– Очень боюсь, – честно призналась леди Виктория. – Но Воробей сказал, что это нормально. Что все боятся, просто некоторые умеют это скрывать. Он сказал, что капитан Кейн боится только одного – потерять вас. И что это делает его самым храбрым человеком на флоте.

Амалия долго молчала.

– Воробей слишком много болтает, – наконец сказала она.

– Он болтает, потому что ему есть что сказать, – возразила леди Виктория. – Я никогда не встречала таких людей. Он знает названия всех созвездий, умеет предсказывать погоду по

облакам и чинить паруса. А ему двенадцать лет. Мой брат в двенадцать лет умел только стрелять фазанов и жаловаться на учителей.

– Твой брат не выжил бы здесь и дня, – тихо сказала Амалия.

– Я знаю. – Леди Виктория улыбнулась. – И это так... освобождает. Понимать, что ты способна на большее, чем от тебя ждут.

Она помолчала и добавила:

– Спасибо, что позволили мне остаться.

– Это был твой выбор, – ответила Амалия. – Я только не закрыла дверь.

Внизу, у подножия маяка, Себастьян курил трубку и делал вид, что проверяет крепления. На самом деле он прислушивался к голосам наверху и думал о том, что его остров, его крепость, его убежище – оно больше не принадлежит только ему. Оно принадлежит всем этим женщинам, детям, старикам и бывшим аристократкам, которые нашли здесь свой дом.

И почему-то это совсем не пугало его. Наоборот.

– Капитан! – крикнул Джек с наблюдательной вышки. – Там на радаре какое-то движение! Похоже на патрульный катер береговой охраны!

Себастьян выдохнул дым и улыбнулся.

– Буди Волка, – сказал он. – Пусть оттачивает свои стратегические навыки с веером. У нас гости.

– Есть, капитан!

Где-то на маяке тихо звякнула тиара, которую Амалия так и не сняла.

Операция «Фарфоровый Носорог» закончилась. Начиналась операция «Лебедь в тылу врага». Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Глава 3.

Три месяца спустя. «Скала Души». Штормовое предупреждение.

История с леди Викторией, вопреки всем мрачным прогнозам Себастьяна, не привела к катастрофе. Более того, она привела к череде событий, которые команда «Морской Фурии» впоследствии назовёт «Весной пробуждения фарфорового носорога» (Волк) или «Периодом, когда я окончательно потерял веру в серьёзность нашего предприятия» (капитан Кейн).

Всё началось с того, что леди Виктория освоила стрельбу.

– Это не стрельба, – мрачно констатировал Джек, глядя на изрешечённую мишень. – Это ритуальное убийство бумаги. Откуда у неё такой глазомер?

– Она играла в крокет, – пожала плечами Айеша. – Профессионально. Два года подряд выигрывала юниорский чемпионат Хэмпшира. У неё идеальный расчёт траектории.

– В крокет играют молотком и шаром! – Джек в отчаянии всплеснул руками. – При чём здесь пистолет?!

– При том же самом, при чём здесь веер, – философски заметил Волк, обмахиваясь своим стратегическим трофеем.

Джек зарыдал.

Камбуз. Полдень.

Белль, которая за три месяца привыкла к тому, что в её камбузе постоянно крутятся лишние люди, теперь смотрела на очередное вторжение с философским спокойствием.

– Ты опять притащила сюда эту штуку? – спросила она, глядя на леди Викторию, которая водрузила на разделочный стол странный агрегат из металла и дерева.

– Это портативный складной мольберт! – обиженно ответила леди Виктория. – Элоиза сказала, что ей нужно больше света для вышивания, а у неё в мастерской окна выходят на север!

– У нас пиратский остров, а не арт-резиденция!

– Но Элоиза – гений! Её вышивки вдохновляют команду! Вчера она подарила Хемлоку носовой платок с вышитым китом, и старик плакал!

– Он плакал, потому что она вышила ему на платке портрет его покойной жены, которую он не видел тридцать лет! – рявкнула Белль. – И теперь он отказывается сморкаться, потому что «нельзя осквернять память Элизабет соплями»!

– Это очень трогательно, – сказала леди Виктория.

– Это антисанитария! – заорала Белль.

В углу камбуза «Воробей» и Ли-На тихо обсуждали проблему оранжереи.

– Корни гниют, – говорила Ли-На. – Нужен дренаж. Твои трубы не работают.

– Мои трубы работают, – обижался «Воробей». – Просто у тебя уклон неправильный. Надо перекладывать систему.

– Где я возьму бамбук?

– Я могу сплавить на соседний остров. Там есть роща.

– Акулы.

– Я быстрый.

Ли-На посмотрела на него долгим взглядом.

– Я с тобой, – сказала она. – Прикрою.

«Воробей» покраснел до корней волос и уткнулся в чертёж дренажной системы, который никто из присутствующих не понимал, но все делали вид, что очень важный.

Палуба «Морской Фурии». Закат.

Себастьян и Амалия стояли у борта и смотрели на горизонт. Шторм, обещанный синоптиками, пока не начинался, но воздух уже имел тот особый, напряжённый привкус, который предшествует большим переменам.

– Она останется, – сказала Амалия.

– Я знаю, – ответил Себастьян.

– Ты против?

– Я не против. Я просто... – он помолчал. – Я никогда не планировал управлять колонией сбежавших аристократок и их ботаников.

– У неё нет ботаника. Ботаник остался в Лондоне.

– Это пока.

Амалия улыбнулась.

– Ты боишься, что остров перестанет быть твоей крепостью и станет... чем-то другим.

Себастьян не ответил. Он смотрел на море, и в его глазах отражалось то самое выражение, которое Амалия научилась распознавать за годы их союза. Это был не гнев и не страх. Это была растерянность человека, который всю жизнь строил стены, а теперь обнаружил, что из них получился дом.

– Знаешь, – тихо сказала Амалия, – когда я была маленькой, у меня была одна фарфоровая кукла. Мать подарила её мне на Рождество и сказала, что это самая дорогая игрушка в доме и что я должна беречь её как зеницу ока. Я боялась до неё дотрагиваться. Она стояла на полке, идеальная, нетронутая, мёртвая. А мне хотелось куклу, с которой можно играть. Спать в обнимку. Расчёсывать ей волосы, даже если они спутаются.

Она положила руку поверх его ладони, лежащей на поручне.

– Твоя «Морская Фурия» была идеальной, нетронутой, мёртвой куклой на полке. А теперь она живая. На ней спят, едят, ссорятся, мирятся, влюбляются. У неё спутались волосы и облупилась краска на маяке. Она настоящая.

Себастьян молчал очень долго.

– Я не умею быть домом, – наконец сказал он. – Я умею быть крепостью. Мечом. Штормом.

– Научишься, – ответила Амалия. – У тебя хорошие учителя.

Она кивнула в сторону камбуза, откуда доносился голос Белль: «Я сказала – НЕ СТАВЬ МОЛЬБЕРТ НА ТЕСТО!», и голос леди Виктории: «Но оно так живописно поднимается!», и душераздирающий вопль Джека: «ОНА ОПЯТЬ УЧИТ МЕНЯ ФРАНЦУЗСКОМУ!».

Себастьян вздохнул.

– Иногда мне кажется, что я сплю и мне снится очень странный сон.

– Тогда не просыпайся, – посоветовала Амалия. – Здесь хорошо.

Где-то вдали сверкнула молния. Шторм приближался. Но на палубе «Морской Фурии» было тепло.

Береговая линия. Час ночи.

Шторм грохотал над островом уже три часа. Команда была рассредоточена по постам: Волк руководил укреплением пирса, Джек и Хемлок проверяли крепления на маяке, а Белль на камбузе варила глентвейн для промокших и замёрзших.

Амалия не спала. Она сидела в своей каюте и перебирала старые дневники – не те, конфискованные с кораблей «Гири», а свои собственные, те, что вела ещё до побега из лечебницы.

Страницы пожелтели, чернила местами расплылись от слёз. Она не открывала их годами.

– «5 марта 1881. Сегодня я поняла, что не боюсь смерти. Я боюсь быть забытой. Не как графиня Сент-Клер – это имя сотрут из реестров, и никто не вспомнит. Я боюсь, что никто не узнает, какой я была на самом деле. Что жила, чувствовала, мечтала. Что любила солнечный свет в оранжерее и запах старых книг. Что ненавидела корсеты и воскресные обеды с матерью. Что хотела убежать в море и стать кем-то другим. Что была – Амалией. Просто Амалией».

Она закрыла дневник и посмотрела в иллюминатор. Там, на пирсе, промокший до нитки Себастьян ругался с Волком по поводу неправильно закреплённого троса. Рядом стояла леди Виктория с фонарём и записывала что-то в блокнот – вероятно, новые морские термины. «Воробей» тащил связку канатов, а Ли-На прикрывала его зонтиком, который, судя по рисунку, был конфискован с той самой злополучной партии платьев.

– Ты не будешь забыта, – тихо сказала Амалия невидимой себе из прошлого. – Твои дневники теперь часть архива. Твоя история записана. И каждый, кто прочитает её, узнает, что ты была.

Она улыбнулась и захлопнула обложку.

Завтра будет новый день. Новый шторм. Новые приключения.

Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Три дня спустя. Утро. Лагуна.

– Капитан! – голос Джека с наблюдательной вышки был полон такого неподдельного ужаса, что Себастьян выронил утренний кофе. – Там... там ЭТО!

– Что «это»? Конкретнее!

– Я не знаю, как это называется! Это большое, розовое и снова плывёт сюда!

Себастьян медленно, очень медленно поднёс подзорную трубу к глазам.

На горизонте, разрезая утренний туман, к острову приближалась не одна, а целых три розовых яхты.

– Нет, – сказал Себастьян. – Нет, нет, нет.

– У них на мачтах флаги! – крикнул Джек. – С лебедями! И ещё какие-то буквы!

– Какие буквы?!

– «К.Л.У.Б. Л.Е.Б.Е.Д.Е.Й»! И внизу мелко: «Основан леди Викторией Хэмптон-Смит»!

Себастьян обернулся к камбузу, где леди Виктория, до этого момента мирно уплетавшая овсянку, вдруг стала проявлять повышенный интерес к трещине в потолке.

– Леди Виктория, – голос капитана был тихим и страшным. – Что вы сделали?

– Я? – голос леди Виктории дал петуха. – Ничего особенного! Просто написала несколько писем! Кузинам! Они тоже хотели приключений! И подругам по дебютантскому кружку! И одной знакомой герцогине, у которой муж – невыносимый зануда! И...

– Сколько? – перебил Себастьян.

– Чего?

– Сколько их? Сколько женщин вы позвали на мой остров?

Леди Виктория зажмурилась и выпалила:

– Семнадцать!

В камбузе наступила тишина. Белль уронила половник. Волк поперхнулся чаем. Элоиза выронила иголку. Даже «Воробей», выдавший виды «Воробей», присвистнул.

– Семнадцать, – эхом повторил Себастьян. – Семнадцать аристократок. Плывут сюда. На розовых яхтах.

– Пятнадцати, – пискнула леди Виктория. – Две передумали в последний момент. У одной приданое, у другой аллергия на морепродукты.

– Ах, ну слава богу, всего пятнадцать, – саркастически заметил Волк. – А то я уже испугался, что нам придётся расширять казармы.

– Мы не можем их принять! – рявкнул Себастьян. – У нас тут, между прочим, военная база! Тайное убежище! Стратегический объект!

– У нас тут, – возразила Амалия, появляясь в дверях камбуза с чашкой чая и очень странным блеском в глазах, – остров, на котором живут люди, сбежавшие из клеток. И сейчас к нам плывут пятнадцать женщин, которые тоже хотят сбежать.

– Амалия, нет.

– Амалия, да, – она улыбнулась. – Волк, сколько у нас свободных помещений в восточном крыле?

– Восточном... крыле? – Волк выглядел так, будто его ударили шваброй. – У нас нет крыльев! У нас пещеры! Мы живём в пещерах!

– Значит, будем расширять пещеры. Белль, у нас есть запас продовольствия?

– На две недели, если экономить, – автоматически ответила Белль. – Но если приплывут пятнадцать голодных аристократок, которые привыкли к пятиразовому питанию с десертом...

– Решим. Элоиза, тебе понадобятся помощницы. Пятнадцать новых учениц – это серьёзная нагрузка.

Элоиза, которая до этого момента выглядела так, будто у неё одновременно день рождения и Рождество, только кивнула.

– Джек, подготовь причал. «Воробей», сбегай на маяк, подними сигнальный флаг. Леди Виктория...

– Да? – голос виновницы торжества был полон благоговейного ужаса и надежды.

– Вы будете отвечать за адаптацию новопривывших. Разработайте программу вводного курса. Базовые навыки выживания на острове, техника безопасности, кодекс чести. И чтобы никакого французского, если только это не боевые команды.

– Есть, капитан! – леди Виктория вытянулась по струнке и отдала честь. Получилось кривовато, но с огромным энтузиазмом.

Себастьян посмотрел на Амалию. Амалия смотрела на него с выражением «я же говорила, что будет весело».

– Я иду на маяк, – объявил Себастьян. – Мне нужно побыть одному и осознать, что моя жизнь превратилась в филиал пансиона благородных девиц.

– Возьми с собой глинтвейн, – посоветовала Белль. – Пригодится.

Маяк. Полчаса спустя.

Себастьян сидел на верхней площадке и смотрел, как три розовые яхты швартуются у внешнего пирса. С них сходили женщины в дорожных костюмах, шляпках и перчатках, с риди-кюлями и зонтиками, с выражением лиц, в котором смешивались страх, восторг и решимость.

Рядом тихо заскрипели ступеньки.

– Не помешаю? – Амалия поставила рядом с ним две кружки с чем-то горячим и села на край площадки, свесив ноги.

– Ты уже помешала. Три года назад. В бальной зале лорда Винтерхолда.

– Я тогда была горничной. Совершенно незаметной.

– Ты была самым заметным человеком в той комнате. Просто не знала этого.

Амалия улыбнулась и сделала глоток.

– Знаешь, о чём я думаю?

– О том, что мы сошли с ума?

– Нет. О том, что моя мать считала меня бракованным экземпляром. Неудачной инвестицией. Пятном на фамильной чести. А я сижу на пиратском маяке, пью глинтвейн, смотрю, как пятнадцать аристократок высаживаются на тайный остров, и думаю: какая же я была бракованная. Какое счастье.

Себастьян долго молчал.

– Твоя мать была душой, – наконец сказал он.

– Это самый романтичный комплимент, который я от тебя слышала.

– Я не умею делать романтичные комплименты. Я умею только говорить правду.

– Этого достаточно.

Где-то внизу, у пирса, леди Виктория обнималась с высокой рыжеволосой девушкой в зелёном костюме.

– Я говорила тебе, что он существует! – кричала леди Виктория. – Я говорила, что это не сказки!

– Я тебе не верила, – всхлипывала рыжеволосая. – Думала, ты сбежала и сочиняешь небылицы, чтобы мама не волновалась!

– А теперь?

– А теперь я вижу маяк с облупившейся краской, мужика с веером и мальчишку, который таскает бамбук! И верю! Всею верю!

Волк, услышавший слово «мужик», оскорблённо расправил плечи и демонстративно обмахнулся веером.

– Бойман Блэкторн, – представился он. – Добро пожаловать в клуб.

Рыжеволосая посмотрела на веер, потом на лицо Волка, потом снова на веер.

– Простите, – сказала она очень вежливо. – А это стратегический?

– Исключительно, – холодно ответил Волк.

– Понятно. У моей тётушки был точно такой же. Она говорила, что им очень удобно бить мужа по голове, когда он приходит пьяный.

Волк открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

– Я запомню эту тактику, – наконец выдал он.

Камбуз. Вечер.

Белль смотрела на пятнадцать новых жительниц острова и чувствовала, как у неё дёргается глаз.

– Я не потяну, – сказала она Элоизе шёпотом. – Я один кок. У меня две руки. Я не могу кормить армию!

– Это не армия, это дебютантки, – поправила Элоиза, не отрываясь от вышивания.

– Какая разница?!

– Армия ест быстро и без капризов. Дебютантки будут просить вегетарианское и без глютена.

– ТЫ НЕ ПОМОГАЕШЬ!

В углу камбуза леди Виктория и её рыжеволосая кузина (которую звали леди Маргарет, что Амалия сочла ироничным) раскладывали на столе карту острова.

– Здесь у нас казармы, – объясняла леди Виктория. – Здесь оранжерея Ли-На. Здесь мастерская Элоизы. А здесь – секретная пещера, куда нельзя заходить, потому что там Волк хранит свои стратегические веера.

– У него их несколько?!

– Я видела как минимум три. И один с монограммой.

– Боже мой, это лучше, чем я могла представить.

В камбуз заглянул «Воробей» с охапкой бамбука.

– Ли-На сказала, что ей нужно ещё, – сообщил он. – Я завтра с утра сплываю на соседний остров. Там целая роша.

– Тебя покусает акулы, – мрачно сказала Белль.

– Акулы меня не трогают, – пожал плечами «Воробей». – Я с ними договорился.

– С акулами? – переспросила леди Маргарет.

– Ну да. Они умные. Если регулярно приносить им рыбы потроха, они начинают считать тебя своим. У меня там знакомый самец, Гриша.

– Гриша? – эхом повторила леди Маргарет. – Вы назвали акулу Гришей?

– Она сама откликается, – «Воробей» пожал плечами и скрылся в направлении оранжереи.

Леди Маргарет посмотрела на леди Викторию.

– Ты говорила, здесь интересно, – сказала она. – Но ты не говорила, что здесь есть люди, которые дружат с акулами.

– Я боялась, ты не поверишь, – честно ответила леди Виктория.

– Я не верю. Но это неважно. Я всё равно остаюсь.

Маяк. Полная луна.

Себастьян не спал. Он сидел в своём кресле в каюте и смотрел на карту Индийского океана, испещрённую пометками. Рядом на столике лежала открытая книга – «Морские течения и их влияние на навигацию», подаренная когда-то братом.

– Не спится? – Амалия вошла без стука. Она всегда входила без стука. Это было их негласное правило.

– Думаю.

– О чём?

– О том, – он помолчал, – что мой брат мечтал открыть школу. Для детей. Чтобы учить их не латыни и этикету, а тому, как устроен мир. Морские течения. Звёзды. Карты. Он говорил, что знания – это единственное настоящее сокровище, которое нельзя украсть.

Амалия села на подлокотник его кресла.

– И теперь у тебя есть остров, полный женщин, которые сбежали от латыни и этикета, мальчишка, который дружит с акулами, и бывший контрабандист, который учит детей вязать узлы и стрелять.

– И всё это началось с того, что я украл твой дневник.

– Не украл. Нашёл. Спас.

– Какая разница.

– Большая. Украсть – значит взять чужое. Спасти – значит вернуть владельцу. Ты вернул мне мою историю, моё имя, мою жизнь. А я, – она улыбнулась, – я вернула тебе твою человечность.

Себастьян посмотрел на неё долгим, странным взглядом.

– Когда ты так говоришь, я начинаю верить, что это правда.

– Это правда. Просто ты привык считать себя оружием. А оружие не умеет быть домом. Но ты – не оружие. Ты – капитан корабля, на котором плывут сорок три спасённых дебютантки, пятнадцать сбежавших аристократок, одна бывшая рабыня из Китая, одна дочь пирата, один старый гарпунер со внуком и одна графиня, которая умерла пять лет назад и чувствует себя прекрасно.

– Сорок три? – переспросил Себастьян. – Откуда сорок три?

– Тиара, – вздохнула Амалия. – Когда новости о том, что леди Виктория сбежала на остров благородных пиратов, дошли до Лондона, остальные дебютантки начали писать письма. Много писем. Белль сжигает их в топке, но некоторые всё равно просачиваются.

– Я иду спать, – объявил Себастьян. – И надеюсь, что завтра проснусь в реальности, где у меня есть только один корабль и одна миссия.

– Ты не проснёшься, – мягко сказала Амалия. – Потому что это и есть реальность. И она прекрасна.

Она поцеловала его в висок и вышла, бесшумно прикрыв дверь.

Себастьян остался сидеть в кресле, глядя на карту и слушая, как за стеной плещется море.

Где-то вдалеке, на розовых яхтах, горели огни. Новые жительницы острова осваивались в своих временных каютах, обсуждали увиденное, делились страхами и надеждами.

А на палубе «Морской Фурии» старый боцман Волк, закутавшись в бушлат, показывал маленькому «Воробью» созвездия и рассказывал, как по ним ориентироваться в открытом море.

– Видишь ту яркую звезду? Это Полярная. Она всегда указывает на север. Куда бы ты ни плыл, как бы далеко ни забрался, она всегда будет ждать тебя дома.

– А у меня нет дома, – тихо сказал «Воробей». – Только остров.

– Остров и есть дом, – Волк поправил на плечах мальчика свой бушлат. – А Полярная звезда – это просто напоминание. Что ты всегда можешь вернуться.

«Воробей» помолчал.

– Дед, – сказал он. – А ты боишься?

– Чего?

– Что однажды мы проснёмся, а всего этого не будет. Острова. Команды. Капитана. Белль. Ли-На. Всех этих странных тёток в шляпках.

Волк посмотрел на море.

– Боюсь, – честно ответил он. – Но знаешь, что я понял за свои шестьдесят лет?

– Что?

– Страх – это не враг. Это компас. Он показывает, что для тебя действительно важно. Если ты боишься потерять что-то – значит, это твоё сокровище. И ты будешь за него драться.

– А если проиграешь?

– Тогда проиграешь. Но лучше проиграть, сражаясь за настоящее сокровище, чем выиграть, защищая пустоту.

«Воробей» кивнул и прижался к тёплому боку деда.

Где-то в оранжерее Ли-На пересаживала новые ростки и тихо напевала песню на своём родном языке. В мастерской Элоиза при свете масляной лампы вышивала на куске шёлка серебряного лебедя. В камбузе Белль перебирала крупы и ворчала, что завтра придётся печь хлеб на двадцать пять персон. В казармах пятнадцать аристократок учились разбирать постели и гадать, что их ждёт завтра.

А на маяке, на самой верхней площадке, стояла Амалия в тиаре, сдвинутой набекрень, и смотрела на звёзды.

– Спасибо, – тихо сказала она кому-то невидимому. – За всё.

Ветер сорвал с её головы тиару, но она не стала её ловить. Пусть летит. Она ей больше не нужна.

Где-то внизу Себастьян вышел на палубу, поднял упавшую тиару, стряхнул с неё пыль и спрятал в карман.

– Не разбрасывайся вещами, – сказал он, когда Амалия спустилась вниз. – Это стратегический ресурс.

– Конечно, капитан.

Она улыбнулась и взяла его под руку.

Впереди был новый день. Новые штормы. Новые спасённые и новые битвы.

Но это, как говорится, уже совсем другая история.

ТРИ ГОДА СПУСТЯ. «СКАЛА ДУШИ». ЮБИЛЕЙ.

Остров изменился. Восточное крыло пещер, о котором когда-то с иронией говорил Волк, теперь действительно существовало – два этажа жилых помещений, столовая, библиотека и даже небольшой концертный зал, где по воскресеньям леди Виктория играла на арфе.

Население острова перевалило за сотню. Здесь жили не только спасённые аристократки, но и их дети, и их спасённые родственники, и просто люди, которые слышали легенду об острове свободы и приплывали искать убежище.

«Морская Фурия» по-прежнему выходила в море, но теперь чаще с гуманитарными миссиями, чем с боевыми. Капитан Себастьян Кейн официально числился в международном розыске, но неофициально вёл переговоры с несколькими правительствами о признании «Скалы Души» независимой территорией.

Амалия Сент-Клер, чья «смерть» была официально опровергнута благодаря документам из архива «Золотой Гири», теперь носила титул графини только в дипломатической переписке. В остальное время она была просто хранителем истории острова и женой капитана.

– Ты только посмотри на них, – сказала Белль, глядя с пирса на праздничную суету. – Пятнадцать сбежавших дебютанток. Сорок три спасённых платья. Один стратегический веер. И всё это началось с того, что мы случайно украли не тот корабль.

– Не случайно, – поправил Волк. – Мы всегда тщательно выбираем цели.

– Ты до сих пор обижаешься на ту тиару?

– Я не обижаюсь. Я принципиально возражаю против нарушения протокола.

– Ты уже три года обмахиваешься этим веером. Какой протокол?

Волк величественно промолчал.

На палубе «Морской Фурии» «Воробей» (теперь уже не «Воробей», а мистер Джонатан Смит, шестнадцати лет, первый помощник капитана) показывал новому поколению юнг, как правильно чистить бронзу.

– Главное – не спешить, – говорил он. – И помнить: каждая бляха, каждая пряжка – это не просто металл. Это память. Это история. И если ты будешь относиться к ней с уважением, она будет служить тебе вечно.

– Ты стал философом, – заметил Джек, наблюдая за этим со стороны.

– Я стал старым, – вздохнул «Воробей». – Мне почти семнадцать.

– Господи, убей меня сразу, – сказал Джек.

В оранжерее Ли-На, теперь уже признанный ботаник и автор нескольких научных статей о редких видах тропических растений, показывала леди Маргарет новый сорт орхидей.

– Я назвала её в честь Гриши, – сказала она. – Потому что она такая же серая и зубастая.

– Орхидея не может быть зубастой, – возразила леди Маргарет.

– Эта может, – заверила Ли-На. – Не трогай её без перчаток.

В мастерской Элоизы кипела работа. Вышивки с острова теперь ценились по всему миру – от Лондона до Нью-Йорка. Элоиза получала заказы от герцогинь и миллионерш, но все деньги уходили в общий фонд острова.

– Я не ради денег, – говорила она. – Я ради того, чтобы мои лебеди летали по всему свету и напоминали людям, что свобода существует.

А на маяке, на самой верхней площадке, стояли двое и смотрели на закат.

– Знаешь, – сказала Амалия, – когда я была маленькой, я мечтала, что однажды проснусь и всё будет по-другому. Что я буду жить не в фарфоровой клетке, а в настоящем доме, с настоящими людьми, с настоящим морем за окном.

– И как? – спросил Себастьян. – Сбылась мечта?

Она посмотрела на остров, на корабль, на людей, которые стали её семьёй.

– Я не проснулась, – ответила она. – Значит, это не сон.

Себастьян улыбнулся – той редкой, тёплой улыбкой, которую берег только для неё.

– Тогда оставайся здесь, – сказал он. – Навсегда.

– Я никуда и не собиралась.

Внизу, у пирса, леди Виктория Хэмптон-Смит, основательница «Клуба Лебедей», почётный адмирал флотилии розовых яхт и главный энтузиаст острова, собиралась произнести юбилейную речь.

– Дорогие друзья! – начала она. – Три года назад я сбежала из дома на пиратский остров, потому что не хотела выходить замуж за лорда Тинсдейла и его бабочек. С тех пор я ни разу не пожалела о своём решении!

– А как же лорд Тинсдейл? – крикнул кто-то из толпы.

– Он женился на графине Честерфилд и умер от подагры во время медового месяца! – радостно сообщила леди Виктория. – Бабочек завещал музею!

Толпа одобрительно загудела.

– За свободу! – крикнула леди Виктория.

– ЗА СВОБОДУ! – заорала толпа.

Где-то на маяке тихо звякнула тиара, которую Амалия всё-таки снова надела – по такому случаю.

Себастьян вздохнул и обнял её за плечи.

– Ты счастлива? – спросил он тихо.

– Да, – ответила она просто. – А ты?

Он посмотрел на море, на остров, на людей, которые стали его семьёй.

– Я тоже, – сказал он.

И это была самая чистая правда, которую он когда-либо произносил.

Глава 4.

Маяк. Полная луна. Три года спустя.

Праздничный фейерверк отгремел, розовые яхты покачивались у пирса, команда разбре-лась по своим углам, и даже неугомонная леди Виктория наконец утомилась в своей каюте с книгой «Морские узлы для начинающих».

Амалия сидела на верхней площадке маяка одна. Себастьян ушёл проверять ночную вахту, Волк и Белль спорили о чём-то на камбузе, а «Воробей» утащил Ли-На смотреть на светлячков в бамбуковую рощу.

Она перебирала старые письма – те, что хранила в потайном отделении сундука, под слоем дневников и карт. Большинство были от Кэтрин, несколько от других выживших подруг из лечебницы. Но одно, в конверте без обратного адреса, пролежало на самом дне три года – с тех пор, как она впервые ступила на «Скалу Души».

Она так и не решилась его открыть.

Сегодня, в свете полной луны, под шум прибоя, она сломала сургуч.

Внутри был не лист, а фотография.

Амалия смотрела на неё и не верила своим глазам.

На снимке, сделанном явно недавно, была запечатлена лечебница доктора Морли – та самая, где она провела два года ада. Но здание выглядело иначе: окна заколочены, ворота закрыты, на фасаде – табличка с надписью «Продаётся».

Рядом стоял человек в тёмном пальто, опирающийся на трость.

Она не видела его лица – он стоял вполоборота, в тени. Но фигура, осанка, этот характерный наклон головы...

Её пальцы дрогнули. Фотография выскользнула и упала на пол, медленно кружась, как осенний лист.

На обороте – всего одна фраза, выведенная знакомым, твёрдым почерком, который она надеялась никогда больше не увидеть:

«Я всё ещё жду нашей следующей партии. Ваш вечный должник. – Э.В.»

– Амалия?

Она вздрогнула. Себастьян стоял на пороге, в свете лампы его лицо казалось высеченным из гранита.

– Что случилось? Ты белая как мел.

Она молча протянула ему фотографию.

Он посмотрел. Долго. Очень долго.

– Это не может быть он, – наконец сказал Себастьян. – Мы видели его смерть. Я держал клинок.

– Мы видели, как он упал, – тихо ответила Амалия. – Мы не видели, как он умер.

Себастьян перевернул фотографию. Прочитал надпись. Его челюсть сжалась.

– Этого не может быть, – повторил он. – Девлин сказал...

Он осекся.

Амалия подняла на него глаза.

– Девлин? Откуда ты знаешь, что сказал Девлин?

Внизу, на палубе «Морской Фурии», чайка пронзительно закричала и сорвалась в ночное небо.

Где-то в темноте, за линией прибоя, едва различимый на фоне чёрной воды, замер без огней чужой корабль.

Маяк. Та же минута.

Себастьян молчал. Его лицо, и без того напряжённое, стало совершенно непроницаемым – той особой капитанской маской, которую Амалия научилась распознавать, но никогда не умела пробить.

– Себастьян.

Он не ответил.

– Себастьян, – её голос стал тише, но в нём зазвенел тот холодный металл, который появлялся только в минуты предельного напряжения. – Ты знал, что Винтерхолд жив? Ты знал, что Девлин с ним связан? Ты говорил с Девлином?

– Нет, – ответил он слишком быстро. – Я никогда не говорил с Девлином. Он говорил со мной.

– Когда?

– Три года назад. Через неделю после того, как мы вернулись сюда с твоей няней. Мне доставили письмо. Без подписи, без обратного адреса. Там было всего три слова.

– Какие?

Себастьян смотрел на фотографию в своих руках. Лунный свет серебрил его виски – Амалия только сейчас заметила, как много в них седины.

– «Он не умер», – тихо сказал он. – И больше ничего.

– И ты молчал три года?

– Я искал его. – Себастьян поднял на неё глаза. В них была такая усталость, какой она никогда не видела. – Я посылал людей, тратил деньги, перерыл пол-Европы. Ни следа. Я начал думать, что это была провокация. Что Девлин просто хотел посеять хаос в наших головах. Что Винтерхолд действительно мёртв.

– А сегодня пришла эта фотография.

– Сегодня пришла эта фотография.

Амалия медленно опустилась на старый ящик из-под сигнальных ракет. Её руки дрожали.

– Он купил лечебницу, – сказала она. – Ту самую. Где меня держали. Он её купил. Зачем?

Себастьян не ответил. Он смотрел в темноту за окном, и его пальцы сжимали край фотографии с такой силой, что бумага начала мяться.

Внизу, на палубе, чайка кричала не переставая. Или это была не чайка.

—

Камбуз. Полчаса спустя.

– Нет, – сказал Волк. – Нет, нет и ещё раз нет.

– Я не спрашиваю твоего разрешения, – отрезал Себастьян.

– А зря. Потому что то, что ты предлагаешь, – это не операция, это самоубийство. Мы не знаем, где он, сколько у него людей, какие у него связи. Мы не знаем ничего, кроме старой фотографии и трёх слов на обороте!

– Мы знаем, что он купил лечебницу, – вмешалась Айеша, которая уже успела изучить снимок под лупой. – И знаем, что она была продана три месяца назад через подставную фирму, зарегистрированную в Цюрихе. Дальше след теряется.

– Цюрих, – хмыкнул Волк. – Швейцария. Страна банков, где можно спрятать что угодно, включая живого мертвеца.

– Девлин тоже оттуда родом, – тихо сказала Амалия. – Или, по крайней мере, его капиталы.

Все обернулись к ней. Она сидела в углу камбуза, на своём обычном месте у печи, и грела озябшие руки о кружку с чаем. Лицо у неё было спокойное – то особое, пугающее спокойствие, которое Белль называла «штормовым штилем».

– Это не случайность, – продолжала Амалия. – Девлин не делает ничего случайно. Если он сообщил Себастьяну, что Винтерхолд жив, – значит, ему это зачем-то нужно. Если он поз-

волил этой фотографии попасть ко мне именно сегодня, в день нашей годовщины, – значит, он знает, что мы собираемся делать дальше. Или хочет, чтобы мы сделали то, что ему нужно.

– И что ему нужно? – спросила Белль, перестав тереть муку.

– Не знаю, – Амалия сделала глоток. – Но я собираюсь это выяснить.

– Амалия, – начал Себастьян.

– Нет, – она подняла руку, останавливая его. – Три года ты искал его один. Три года ты нёс это сам, не сказав мне ни слова. Я понимаю, почему ты это сделал. Ты хотел меня защитить. Но теперь это касается нас обоих. И я имею право знать всё.

– Я рассказал тебе всё, что знаю.

– Не всё. Ты не рассказал мне, что у тебя на душе. Ты не рассказал мне, что видишь во сне. Ты не рассказал мне, почему в последний год всё чаще просыпаешься по ночам и стоишь у окна, глядя на море.

Себастьян молчал.

– Я твоя жена, – сказала Амалия. – Я графиня, пират, архивариус и, между прочим, женщина, которая провела два года в аду и выжила. Я не боюсь правды. Я боюсь, что ты продолжишь защищать меня от неё, пока однажды не станет слишком поздно.

В камбузе повисла тишина. Даже Волк, всегда готовый возразить, молчал.

– Хорошо, – наконец сказал Себастьян. – Ты хочешь правды? Вот она.

Он достал из внутреннего кармана мятого мундира небольшой кожаный конверт и положил на стол.

– Второе письмо от Девлина. Пришло полгода назад.

– И ты опять молчал?!

– Я не молчал. Я пытался понять, что с этим делать. – Он открыл конверт. – Там не просто слова. Там карта.

Все склонились над столом.

На плотной бумаге была нанесена схема – не острова, не порта, а целого региона. Южная Франция, побережье Средиземного моря. И в самом центре, у небольшого городка Кассис, – крестик, обведённый красным.

– Что это? – спросила Айеша.

– Это вилла, которую Девлин предлагает мне купить, – усмехнулся Себастьян. – За символическую плату в одну гинею. Вместе с документами, подтверждающими, что там последние два года скрывается Эдгар Винтерхолд.

– Ловушка, – немедленно сказал Волк. – Слишком очевидно.

– Разумеется, ловушка. – Себастьян убрал карту обратно в конверт. – Но в том-то и дело. Девлин не делает тайны из того, что это ловушка. Он хочет, чтобы мы знали: мы идём туда на его условиях, по его правилам, в его игру. И вопрос не в том, идти или нет. Вопрос в том, зачем ему это нужно.

– Он хочет вас двоих, – тихо сказала Амалия. – Не вообще «Шторм». Не остров. Не сокровища. Тебя и меня. Винтерхолд – это приманка. А цель – мы.

Себастьян посмотрел на неё долгим, странным взглядом.

– Значит, не пойдём, – отрезал Волк. – Разорвём карту, забудем о письме, продолжим жить. У нас тут сотня человек, которым нужна защита. Мы не имеем права рисковать всем ради личной мести.

– А если он придёт сюда сам? – спросила Белль. – Если эта ловушка – только первый шаг? Если Девлин не успокоится, пока не получит то, что хочет?

– Тогда мы встретим его здесь, с пушками и на своей территории, – отрезал Волк.

– Мы не знаем, что он хочет, – напомнила Айеша. – Не знаем его целей, его планов, его слабых мест. Три года мы пытались найти хоть что-то об этом человеке – и почти ничего. Он как тень. Как призрак. Единственная ниточка, которая у нас есть, – это Винтерхолд.

– Который сам по себе призрак, – добавила Амалия. – Но призраки не покупают недвижимость и не оставляют фотографий на пороге.

– Значит, всё-таки идём? – подал голос «Воробей», до этого момента сидевший в углу и чистивший бронзовую пряжку. – Прямо в ловушку?

– Мы идём не в ловушку, – сказала Амалия. – Мы идём за ответами. И мы идём подготовленными.

Она посмотрела на Себастьяна.

– Когда выдвигаемся?

Он долго молчал. Потом, впервые за весь разговор, почти незаметно улыбнулся.

– Завтра на рассвете, – сказал он. – Волк, ты остаёшься за старшего на острове.

– Я протестую, – немедленно заявил Волк.

– Протест принят. Отклонён.

– Это произвол!

– Это приказ.

Волк схватился за веер, явно намереваясь обмахиваться с удвоенной стратегической интенсивностью, но Белль положила руку ему на плечо.

– Пусти их, – тихо сказала она. – Им надо закончить это. Всем троим.

– Всем троим? – переспросил Волк. – Кому троим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.